

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ДЕКАДАНСА

УДК 18:7.03

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-115-127>

Н. Е. Шафажинская

Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского,
Москва, Российская Федерация, e-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Аннотация: Современные тенденции и проявления отечественной культуры, ознаменованные переломным характером постсоветского периода, несут в себе похожие черты другой, не менее драматичной ситуации в отечественной истории – рубежной и многострадальной эпохи XIX–XX веков. Такой цивилизационный излом, и, как следствие, происходящие идеологические, социально-психологические изменения во всех сферах культуры, известен как явление *декаданса* – направления в культуре, творческой мысли и, соответственно, в литературе рубежа XIX и XX веков, которое характеризуется подчёркнутыми проявлениями *эстетизма*, *индивидуализма* и *иммoralизма*. При этом очевиден и его прогрессивный, новаторский характер. В материале данной статьи даётся краткий анализ упомянутых явлений в русской культуре, и в частности в литературе, которые, на наш взгляд, позволяют лучше понять причины тех направлений, которые прослеживаются в социокультурном пространстве и сегодня.

Ключевые слова: русская культура, русская философия, русская литература, кризис, декаданс, эстетизм, иммoralизм, индивидуализм, духовность, нравственность, Серебряный век, экзистенциальные проблемы.

Для цитирования: Шафажинская Н. Е. Некоторые аспекты трансформации отечественной культуры в эпоху декаданса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 115–127. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-115-127>

SOME ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN CULTURE IN THE ERA OF DECADENCE

Natalia E. Shafazhinskaya

K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University),
Moscow, Russian Federation, e-mail: shafazhinskaya@mail.ru

Abstract: Modern trends and manifestations of the national culture, marked by the turning point of the post-Soviet period, carry similar features of another, no less dramatic situation in the national history – the milestone and long-suffering era of the nineteenth and nineteenth centuries. This civilizational kink

ШАФАЖИНСКАЯ НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА – доктор культурологии, кандидат психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского

SHAFAZHINSKAYA NATALIA EVGENYEVNA – D.Sc. in Cultural Studies, PhD in Psychology, Professor at the Department of Educators and Psychology of Vocational Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the First Cossack University)

© Шафажинская Н. Е., 2021

and, as a result, the ongoing ideological, socio-psychological changes in all spheres of culture, is known as the phenomenon of decadence. The phenomenon of decadence is a trend in culture, creative thought and, accordingly, in the literature of the turn of the 19th and 20th centuries, which is characterized by accentuated manifestations of aestheticism, individualism and immorality. At the same time, its progressive and innovative character is also obvious. The material of this article gives a brief analysis of these phenomena in Russian culture and, in particular, in literature, which, in our opinion, allow us to better understand the causes of those trends, which can be traced in the sociocultural space and in modern times.

Keywords: Russian culture, Russian philosophy, Russian literature, crisis, decadence, aestheticism, immorality, individualism, spirituality, morality; The Silver Age; existential problems.

For citation: Shafazhinskaya N. E. Some aspects of the transformation of Russian culture in the era of decadence. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2021, no. 3 (101), pp. 115–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2021-3101-115-127>

Актуальность и проблема данной статьи заключаются в выявлении роли декаданса (фр. *décadent* – ‘упадочный’) в социокультурной жизни общества, некоторых психологических аспектов этого феномена и в попытке ответить на вопрос: является ли он упадническим стилем, эстетика которого состоит в деструктивном, разрушительном характере, или неизбежным и многоуровневым явлением, вытекающим из иного мироощущения и прокладывающим пути к новой системе восприятия духовно-нравственных и художественно-эстетических ценностей.

Декаданс – явление, которое возникает в умонастроениях людей в переломный момент исторического развития общества, когда они находятся в поисках новых духовных ориентиров, и которое воплощается впоследствии в художественных образах, содержащих свою уникальную эстетику. Это направление изначально получило развитие в связи с актуальной новизной идей и форм во Франции, а далее распространилось по всей Европе. Его приверженцы утверждали оригинальный, экстравагантный стиль в литературе, изобразительном искусстве, создавая новые авторские модели, далеко выходящие за рамки тра-

диций, благодаря чему считались эпатажными и скандальными. Пришедший в Россию и ярко проявившийся на русской почве декаданс позиционировал себя как серьёзное явление духовно-эстетического порядка, рождение которого было неизбежно, так как было обусловлено всем ходом историко-культурного процесса.

Декаданс не просто художественное течение, культивируемое определённой группой творческих личностей, ищущих новые пути в развитии искусства, а явление, порождённое общественным сознанием, упаднические настроения которого явились результатом крайних мер преобразования социального устройства, связанного с начавшейся индустриализацией, сменой классовости в попытке ускорения и упрощения жизни. Процессы массовизации во всех социальных сферах привели к немедленной реакции носителей высокой культуры против такого сценария развития общества. Декаданс стал выражением протеста, открыв тем самым поиски новых путей развития искусства.

В России декаданс появился на рубеже двух эпох и оказался выражением острейших социальных и духовных противоречий. Он стал начальной, неотъемлемой частью

Серебряного века, истоком модерна, а впоследствии – катализатором новых авангардных течений, радикально отличавшихся от классического искусства, литературы, философско-религиозной мысли.

Понятие «декаданс» в русской культуре связано с именем И. Э. Грабаря, который отмечал, что «словечко это стало обиходным только в середине 90-х годов. Заимствованное у французов, где поэты-декаденты противопоставляли себя парнасцам, оно впервые появилось в России в фельетоне моего брата Владимира “Парнасцы и декаданты”, присланном из Парижа в “Русские Ведомости” в январе 1889 года. Несколько лет спустя тот же термин, но уже в транскрипции “*декаденты*” был повторен в печати П. Д. Боборыкиным и с тех пор привился. “*Декадентством*” стали именовать все попытки новых исканий в искусстве и литературе» [3].

В своей книге «Уединённое» В. В. Розанов рассуждает о смысле появившихся некоторых «новых слов», среди которых упоминается «*декадент*» как вариация некоего психологического отклонения, «*болезни духа*» [9]. Уже в конце 1890-х годов появляется термин «*упадничество*» в качестве русского аналога декадентства.

Интересно, что данное явление, наблюдаемое как в творчестве, так и в поведении ряда представителей нового направления, получило обоснование и интерпретацию в позициях видных психологов и психиатров. Так, профессор И. А. Сикорский считал, что утрата обществом идеалов и высоконравственных ценностей, а также ослабление традиционного отечественного воспитания напрямую связаны с духом упадничества, подавленности, увеличением числа преступлений и суицидов. В труде «Психологические основы воспитания

и обучения» (1909) Сикорский подчёркивал особое влияние художественной литературы на общественные нравы, что определяло высокую ответственность самих авторов произведений за содержание творческой деятельности. Психиатр ставил писателей и художников на высокий пьедестал, называя их одарёнными «Божией искрой» людьми, «которые распознают добро и зло, здоровье и болезнь общественной души» [13, с. 10]. При этом одной из главных причин психологической уязвимости, депрессивности и склонности к мрачному пессимизму в произведениях ряда отечественных авторов учёный называет слабую волю как универсальную черту славянского национального характера. И только воспитание сильной воли, по мнению Сикорского, позволит устранить деструктивные явления из жизни общества и творчества [13, с. 21–22].

Для произведений современных писателей, по мнению известного врача Психиатрической клиники Московского университета Ф. Е. Рыбакова, характерно «отсутствие идейности». В них важной является не сама жизнь, а лишь «прозаические мелочи этой жизни», в которых авторы копаются чрезмерно кропотливо и болезненно, что отличает людей психически надломленных и нервнобольных. Характеризуя проявления декаданта, психиатр отмечает: «Никогда ещё литература не представляла нам такого обилия патологических типов, как именно теперь. И причину этого является опять крайний индивидуализм ... Как известно, в каждой группе художников, помимо здоровых, истинно-талантливых натур, есть ещё и натуры больные. Вот эти-то больные натуры, копаясь в своем “я” и не находя в нём элементов истинного творчества, вынуждены бывают ограничиться изобра-

жением того узкого, больного мира, который заполняет их душу и сковывает их мозг. В результате – описание половых переживаний, импульсивных влечений, иллюзий, галлюцинаций и бредовых идей, которое так часто мы встречаем у современных литераторов ...» [11].

Известный русский дефектолог и невропатолог Г. И. Россолимо на основе исследования творческих работ пациентов сделал неутешительный вывод: «Когда пятнадцать лет тому назад мне впервые пришлось рассматривать рисунки и читать стихи психически больных, на меня большинство подобных произведений искусства производило глубокое впечатление своей уродливостью и диким содержанием – до того они резко отличались своим патологическим характером от того, что давала в то время живопись и поэзия. Прошло всего пятнадцать лет, и от этой беспредельной разницы осталось очень мало – настолько, что в некоторых пунктах приблизились друг к другу произведения некоторых представителей больного и здорового искусства» [10, с. 38]. Россолимо предупреждал об опасности «психического заражения» подобными явлениями в культуре декаданса, называя современное состояние *эпидемией больного искусства*. Учёный считал целесообразно весьма избирательно относиться к произведениям декадентского направления во избежание его особенно разрушительного влияния на психику молодого поколения. При этом учёный обосновывал тесную связь «усиленной душевной деятельности», повышенной психической напряжённости с возникновением у писателя нездорового нервно-психического состояния. Россолимо делает вывод о том, что «люди, эстетически одарённые от природы, обладают настолько патологически-тонкой организацией, что

очень часто бывают жертвами более или менее тяжких заболеваний» [11, с. 13].

Однако многие исследователи новых трансформаций в культуре полагали, что явление декаданса в значительной мере вызвано социальными причинами. Феномен упадка, деформаций и деструктивных процессов в культуре и искусстве связывался с существующей цензурой и негативной атмосферой в социуме, препятствующей развитию позитивных художественных тенденций. Так, в частности, анализируя проявления декаданса как культурного и социально-психологического явления, психиатр М. О. Шайкевич высказывал убеждение, что произведения и патологические образы героев – отнюдь не плод «извращённой психики» писателей или их аморализма: художники лишь изображают объективную картину действительности.

Ответственность творческих деятелей за морально-нравственные деформации в обществе, с точки зрения Шайкевича, не обоснована или, по крайней мере, преувеличена, поскольку «патологическая нервная организация может и должна также непременно рассматриваться, как одна из форм проявления ненормальных общественных условий» [15, с. 9].

Например, А. П. Чехов, по мнению Сикорского, в своих произведениях отражает очевидные психопатологические процессы, угрожающие деградации человека, живущего в нездоровом обществе. Известный врач-психиатр М. П. Никитин, в свою очередь, отмечал глубинное проявление душевных болезней в произведениях Ф. М. Достоевского и у чеховских героев, оказавшихся в тисках экзистенциальных переживаний – страха, отчуждения, отверженности, безысходности («Человек в футляре», «Палата № 6») [7].

Чтобы понять и оценить, в чём же состояли главные находки нового направления в искусстве, важно обратиться к предшествующим – 1870-м годам, поскольку новое искусство всегда вызревает на почве старого и вбирает всё лучшее, как бы являя собой недосказанность предыдущей эпохи. Так характеризуется «предшествующий раскрепощённому плюрализму веку “Серебряному” век “Золотой” в своём академичном реализме переходного периода, между литературными традициями» [4, с. 253–275], давший хороший вектор в направленности нравственных идей и исканий человечества в трудах таких гениальных писателей, как А. П. Чехов, Л. Н. Толстой и в особенности Ф. М. Достоевский. Эти художники не боялись посвящать целые романы человеческим чувствам без контекста каких-либо политических, исторических событий; они изображали терзания и метания человеческой души, не боясь очернить её, «вытаскивая» наружу все скверные помыслы, часто реализуемые в таких же поступках.

В самом начале Серебряный век творчески осмысливал трагедию человека, исходящую из духовной пустоты, пытаясь обновить и наполнить его мироощущение новыми идеями, несущими спасение. Именно поэтому творчество каждого неравнодушного творца того периода было обращено к *человеку страдающему* в соответствующих темах, выносящих на поверхность индивидуальное существование личности в трудных обстоятельствах, интимно уделяя внимание внутренним переживаниям в каждом индивидуальном случае, а не призывающих пафосными лозунгами людские массы к беспредметному будущему.

Как свидетельствуют факты истории, время декаданса кратко. Именно в этот период неопределённости и неуверенности

человек и общество начинают испытывать потребность в новизне более совершенной мировоззренческой и духовно-эстетической парадигмы. Отсюда возникает недоверие к общепризнанным ценностям, их «девальвация», и индивид начинает чувствовать себя свободным от всевозможных догм и схем, предаваясь полной свободе художественного творчества, остро ощущая утрату целостности мира, разрыв с традиционной классикой. Творец эпохи декаданса обращается к искусственному, возводя в культ «утончённый» эстетизм, проявляя склонность к иррациональному, мистике; поиски идеала проходят в горниле разочарований и сомнений; повышается интерес к пограничным состояниям психики, нередко происходит болезненное любование отталкивающими картинами бытия.

Понятие «*декадентство*» отражало всякое «инакомыслие», экстатические проявления, эпатаж и очевидные признаки морально-нравственного упадка. В современной культуре имморализм представляет собой определённую «картину мира», которая отвергает ранее признанные этико-эстетические приоритеты. Само слово «*имморализм*» произошло от латинского *immoralismus*: *in* – ‘не’, *moralis* – ‘моральный’, ‘нравственный’. В культурфилософском смысле имморализм – это не однозначно негативная характеристика, а своеобразный критический тип мышления, независимый от доминирующих в общественном сознании моральных норм и являющийся равноправным компонентом культурного диалога. В историко-культурном ракурсе имморализм – это некая антитеза, инвариация – то неизменяемое, что остаётся в культуре при любых её трансформациях. Важно заметить, что между терминами «имморализм» и похожим «аморализмом» непра-

вомерно ставить знак равенства. Понятие «аморализм» означает лишь нежелание следовать установленным этическим правилам и признанным в социуме моральным авторитетам – и в целом, и в конкретных ситуациях.

Гуманитарная сфера отечественной культуры, особенно литература, а в более точном определении – *русская словесность*, всегда наиболее тонко улавливала антиномичность переломных эпох и реагировала на вызовы грядущих общественно-политических катаклизмов. И именно в такой атмосфере в российском обществе создавалась максимально благоприятная духовно-нравственная ситуация для трансформации декадана из мироощущения в мировидение *через художественно-эстетические инновации и новые художественные образы*. Поскольку «декаданс – это в первую очередь протест на мещанское обмирщение в буржуазном развитии, выступающий против массовости и защищающий элитарность культуры» [6, с. 231–240], постольку он, как противоядие, резким эпатажным всплеском поражает, закрывает прошлое, не давая его оплошать, но и не позволяет упрощать будущее в надежде на скорое пробуждение прогрессивных культурных слоёв. И это пробуждение, этот духовный подъём рождается парадоксальным образом: из боли и отчаяния «экзистенциального кризиса» до вдохновенной красоты и возвышенных смыслов, воплощённых в многообразии творческих шедевров, иллюстрирующих масштаб индивидуального творческого самовыражения.

Одна из особенностей периода декадана заключалась в том, что в нём жили и творили поэты, представляющие разные, порой абсолютно противоположные литературные течения и творческие концепции.

При этом одним из важнейших качеств русской культуры, а именно литературы, всегда оставался духовно-нравственный и религиозный поиск, выраженный в вечном стремлении понять своё предназначение и смысл бытия [16]. Но Серебряный век – это особое явление, представленное, как известно, всеми областями духовной жизни России, эпоха, отмеченная необычайным творческим подъёмом и выдающимися достижениями, чего не происходило в прежние исторические периоды. Пробуждение свободной мысли и свободного творчества в отечественной культуре сопровождалось исканиями новых ценностей и смыслов в науке, социальном служении, философии, религии, русской словесности. Многожанровые произведения эпохи и высказанные в них идеи – прямые доказательства того, что культура, искусство и в особенности божественный *дар слова*, воплощённый в русском литературном творчестве, – это те «духовные ключи», которые открывают душу человека, пробуждая его духовно-нравственное чувство и устремлённость к возвышенному. Особое, трепетное отношение русских литераторов к словесности обусловлено религиозной природой происхождения самого слова, его красоты, духовного значения. Именно по этой причине отечественные философы, или, как их называли в прежние времена, «любомудры», всегда искали объяснение русскому национальному характеру в сакральной сфере.

Первым течением литературы стала поэзия, которая приняла декадентские оттенки и показала в своём содержании следование основным принципам этого течения, сложившимся в Европе и имеющим общие черты и основу для своего становления. Одновременно развивалась и *самобытная русская философско-религиозная мысль*, об-

ретая в своих исканиях новые пути в толковании смысла бытия [17]. Так как самоощущение реальности было разорвано, то и её изображение было не цельным, а метафорически-символичным, выраженным весьма субъективно. По выражению А. Ф. Лосева, осуществлялось «чисто внутреннее, интуитивное познание сущего, его скрытых глубин, которые могут быть постигнуты не посредством сведения к логическим понятиям и определениям, а только в символе, в образе посредством силы воображения» [5, с. 213].

В литературе, как, впрочем, и в других областях культуры, декадентство получило развитие и стало популярным, однако нельзя признать, что его распространение получило широкий охват в силу своей *элитарности*. Мотивы декаданса, кризиса нашли своё воплощение в различных направлениях искусства, становление которых происходило на основе идей *модернизма*, сформировавшегося «в систему относительно самостоятельных художественных направлений и течений, характеризующихся ощущением дисгармонии мира, разрывом с традициями реализма, бунтарско-эпатирующим восприятием, преобладанием мотива утраты связи с реальностью, одиночества» [17], которые явились основными характерными составляющими декадентской эстетики, пронизанной мотивами внутреннего конфликта и потребностью духовного поиска.

Декадентство в рубежный период XIX–XX столетий заявило о себе достаточно громко, опираясь в своей позиции на положения манифеста о смене ориентиров и установленных путей, что отразилось в формировании *символизма* с его устремлённостью в изображении реальности через её отражение с *помощью знаков и символов*.

Серебряный век русской культуры парадоксален в своих непревзойдённых достижениях. Необходимо подчеркнуть, что период, который мы упоминаем, а именно – историко-философские проявления и выражения декаданса в русской культуре, являлся временем высочайшего духовного и художественного подъёма, несмотря на то, что проходил он в России под знаком катастрофы и зарождался из трагичности мироощущения. Поскольку начало русской декадентской культуры «произрастало» в целом на той же почве, что и европейская, элементы упадочности в начале его становления ярко обозначались за счёт узости культурного круга. Были резко изменены формы и стили художественных средств, с помощью которых достигалась выразительность будь то литературы или других форм искусства.

Декаданс – это и проводник в новый открывшийся мир искусства, который бескомпромиссностью и бесстрашием своих творцов создал предпосылки, получившие дальнейшее развитие в многочисленных культурных направлениях и школах блистательного Серебряного века. В то же время декаданс, в основе которого было заложено и *саморазрушение*, явственно продемонстрировал, что произойдёт с культурой Серебряного века: он оказался недолгим в литературе, искусстве, так как «пал жертвой собственного духовного богатства, многообразия, нравственно-эстетического плюрализма» [4, с. 229].

Первыми свою индивидуальность и независимость в применении новых творческих форм, доказавших многозначную сверхреальность посредством усложненной метафоричности образов, проявили такие выдающиеся литераторы, как Д. Мережковский и З. Гиппиус, Ф. Сологуб и В. Брюсов,

К. Бальмонт. Они явились одними из первых художественных новаторов, отказавшихся от классического наследия и отразивших своим творчеством все идеи явления декаданса в полной мере.

Манифестом, устанавливающим появление нового направления в отечественной литературе, культурологи называют статью Мережковского «О причинах упадка и новых течений современной русской литературы», опубликованную в 1893 году. В последующие годы в свет вышли стихотворные сборники «Русские символисты», авторство большинства произведений в которых принадлежало Брюсову. Так эпоху реализма сменил символизм, главной идеей и всеохватывающим смыслом которого стала Красота. В своих произведениях, в частности поэзии, творцы новой эпохи обращались к изысканной образности передачи тончайших движений души через музыкальность и легкость слога, *относились к слову как к некоему шифру через его знаковое наполнение*, стремились создать картину идеального мира с эстетизацией смерти как бытийного начала. Новаторское поэтическое творчество провозглашало полное неприятие действительности и было обращено к миру трансцендентного, запредельного бытия через мистические переживания. Эти тенденции полностью соответствовали декадентской «картине мира» и особому типу сознания, который появился именно в переломный период, порождая чувство уныния, депрессии, страха перед жизнью, неверие в возможность познать мир, а тем более его изменить:

«Дома и призраки людей –
Всё в дымку ровную сливалось,
И даже пламя фонарей
В тумане мёртвом задыхалось.
И мимо каменных громад

Куда-то люди торопливо,
Как тени бледные, скользят,
И сам иду я молчаливо,
Куда – не знаю, как во сне,
Иду, иду, и мнится мне,
Что вот сейчас я, утомлённый,
Умру, как пламя фонарей,
Как бледный призрак, порождённый,
Туманом северных ночей» [8].

В этом стихотворении Мережковского видим, что поглощающей и умертвляющей силой всегда служит город, лишённый жизни, как искусственное явление, с которым творчеству поэтов-декадентов всегда сопутствует тема отчуждённости, искусственности. И сама жизнь – лишь призрачная её видимость, с людьми бестелесными, исполненными трагизма, выражающими бессмысленность бытия.

Философия и эстетика русского декаданса складывались, как уже было сказано, под влиянием идей европейского декаданса, в классических образах которого обнаруживаются черты литературы декаданса и одновременно – характеристики экзистенциальной психологии: эстетизация пессимизма; атмосфера безысходной грусти; астеничная болезненность; деструктивность эмоциональных переживаний, несмотря на очевидную искренность описываемых самоощущений; подчеркнутый индивидуализм, «инаковость» автора, который «не смешивается» с толпой, его отрешённость, депрессивность восприятия мира; тяготение к усложненной форме и в то же время изысканность прорисовки метафор и символов с оттенками мазохистской удовлетворённости. Разумеется, ассоциации и переживания у читателя могут быть различными, несмотря на общую угнетающую тональность, однако очевидна бесспорная талантливость, неординар-

ность, «элитарность» декадентского стиля. Фактически, все эти проявления выступали в качестве протеста против массовости, «культуры толпы», проявляющейся во всех сферах жизни нового общества и насаждаемой новым строем. По выражению Д. В. Сарабьянова, отмеченные выше поэты относили себя к декадентам, стиль, которых «выразился у нас в России в конце 80-х и начале 90-х годов. Их язык был предельно символическим и являлся универсальным культурным языком конца XIX – начала XX века, с приходом коего и в русской литературе начались необратимые процессы в формировании новой системы ценностей в мировоззрении культуры» [12].

Правомерно говорить о том, что Россия стала лидером в процессе создания художественно-эстетических инноваций декадентской культуры среди европейских стран, а в ряде направлений даже предвосхищала прогрессивные тенденции. Поэтому при всём разнообразии появившихся блистательных имён, весьма непохожих в своих индивидуальных творческих проявлениях, всех художников объединяло стремление выйти за строгие рамки академического, классического направления философии искусства, освободиться от влияния какой бы то ни было идеологии, «мёртвой» схемы и устремиться в свободное пространство индивидуального творческого самовыражения и жизнетворчества.

В конце XIX века поэтическая культура пережила настоящий взлёт, начало которого было связано с фигурой Бальмонта, открывшего первый, «брюсовский», период символизма. Бальмонт и сам по себе составляет великолепную главу русской поэзии [2]. Очень часто символизм соотносят с декадансом по общим схожим признакам, центральным из которых являет-

ся провозглашение *культуры индивидуальности*. Поэзии Бальмонта присущи гибкость и музыкальность языка, так как в своём, особенно раннем, творчестве он обращался к народным мотивам. В то же время в произведениях поэта слышны мотивы скорби о «невозвратном»:

«Как нежный звук любовных слов
На языке полупонятном,
Твердит о счастье необъятном
Далёкий звон колоколов.
В прозрачный час вечерних снов
В саду густом и ароматном
Я полон дум о невозвратном,
О светлых днях иных годов» [8].

Однако настоящим виртуозом поэзии декаданса, его рупором был Брюсов, которому, как никакому другому представителю кризисной эпохи, был присущ *декадентский эпатаж*. Первый сборник стихов Брюсова произвёл фурор, а визитной карточкой поэта стала скандально прославленная строка: «О, закрой свои бледные ноги». Наверное, представить, какая именно была реакция публики на столь неординарный пассаж очень сложно, но можно, пожалуй, сравнить её с восприятием общественности картины Казимира Малевича «Чёрный квадрат». Хотя и представленные в разное время, но в своей откровенной провокационности не уступающие друг другу, эти произведения, каждое по-своему, закрыли одну эпоху и открыли другую в искусствоведческой категории.

Брюсов – один из ярчайших представителей Серебряного века – занимал индивидуальную нишу в русской поэзии. Проявив свой талант сначала в символизме и будучи приверженцем декадентской эстетики, Брюсов внёс большой вклад в развитие её новых направлений. Притом, что он считал

себя образцовым поэтом-декадентом и подерживал эстетику стиля декаданс в быту, Брюсов проявлял некую двойственную природу, о которой писали его современники, называя поэта «*безумие, наглухо застёгнутое в сюртук*» [2, с. 19]. Он одним из первых предложил путь преодоления, изменения смысла и пересмотра предназначения символов, уделяя огромное внимание не *смыслу слова, а его звуку*:

«Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене
Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине» [8, с. 61].

Эти строки как будто создают чувство оторванности и погружения в ирреальный мир. По ритмике и интонации стихотворение воспринимается как звуковой комплекс с ощущением от прочтения некоего речитатива, что отсылает данный стиль к языческому, народному творчеству, иными словами – к этническому наследию. Такое обращение в поисках новых путей в переходном периоде прослеживается у многих творцов.

Отметим, что новые творцы были весьма образованными людьми, в большинстве своём обладали энциклопедическими знаниями различных культур разных времён, изучением которых они занимались на древних языках. Во многих работах усматривается обращение к мотивам эпосов многих племён, обращение к архаическим образам которых должно было *вернуть слову его силу внушения* и таким образом преодолеть разрыв между интеллигенцией и народом. Серебряный век отличался своей универсальностью во всех проявлениях

и стремлением к синтезу, что также является одной из его характерных черт. Характерные особенности декаданса отчётливо проявились в творчестве многих авторитетных и талантливых литераторов, в авангарде которых находились Мережковский и Гиппиус. Сами себя они считали символистами, используя в ранних литературных исканиях приёмы декаданса лишь для философских, этических и эстетических экспериментов, являющихся неотъемлемой частью их художественных исканий. И Гиппиус, и Мережковский, так же как и представители русской философии, утвердившие свою независимую концепцию без какого-либо влияния Запада, – В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Г. В. Федотов, считали декаданс не упадничеством в буквальном смысле, а лишь инструментом, помогающим отобразить бытие через индивидуальное восприятие.

Сам Мережковский признавал, что во многом на его творчество повлияли Бодлер и Эдгар По, но не как декаденты, а как символисты. Именно после знакомства с творчеством этих классиков литературы начались его духовные поиски и новаторские изыскания. Автор утверждал, что в основе декадентства лежит *откровенный индивидуализм и субъективизм*, которые послужили эстетической основой начальному символизму. Такого же взгляда придерживалась и Гиппиус, утверждавшая, что её занимало не декадентство, а *символы, через которые идёт индивидуальное самовыражение*:

«О, если б острое почуял жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа – она глуха.
Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.

И эта мёртвая, и эта чёрная,
И эта страшная – моя душа!» [8, с. 55].

Но, признавая факт существования декадентской культуры, не все литераторы, критики выделяли ей равноправное место в культуре, так как не все считали декаданс явлением духовно-нравственным, заложенным самим ходом истории, а поэтому и неизбежным. Некоторые критики – они составляли меньшинство – называли декадентскую культуру порождением эпатажных людей. Решительно негативное отношение к общеевропейскому декадансу и данному направлению в России высказывал В. В. Стасов, «стремясь, прежде всего, оградить русское передовое искусство от его вредного влияния. Он, не понимая классовых корней декадентства, ошибочно считал, что в России нет для него почвы, что российское декадентство является исключительно результатом “плачевного подражательства”, “плохого обезьянничания” тому, что творилось в европейском искусстве» [14]. Именно с этих позиций Стасов повёл непримиримую борьбу против русских декадентов, создавших в конце 1890-х годов своё художественное объединение «Мир искусства» во главе с С. П. Дягилевым и А. Н. Бенуа. В 1899–1904 годах эта группа издавала одноимённый художественно-иллюстрированный журнал, популяризовавший декадентское искусство. Стасов писал о «мирискусниках»: «Стадо Дягилева, рабское и безвольное, вышло из источников и преданий чужих, иностранных – сначала французских, а потом немецких ... ни единой капли не заключает в себе чего-нибудь самостоятельного, своего ... Так велика ещё у нас подлая страсть обезьянничания, трусливая дрожь перед тем, что в Европе делается» [14]. Подавляющее большинство при-

знанных литераторов, философов, критиков признавали феномен декаданса в начальной культуре Серебряного века. Так, Н. А. Бердяев в «Великом инквизиторе» писал, что декадентство – «очень глубокий кризис человеческой души и очень серьёзное течение в искусстве» [1, с. 41]. Интересный фрагмент полемики Блока и Мережковского по поводу идей символизма находим в труде Д. Мережковского «Акрополь. Избранные литературно-критические статьи»: «Самое большее, что может сделать лирика, – говорит Ал. Блок, – это – усложнять переживания, з а г р о м о ж д а я д у ш у н е в о о б р а з и м ы м х а о с о м и с л о ж н о с т ь ю . Если это “самое большее”, то что же малое? В искусстве, которое всё-таки есть, прежде всего, осуществление красоты, порядка, строя, гармонии, воля к “невообразимому хаосу” ничего доброго не обещает» [6, с. 256].

Исследованием и определением декаданса, его характеристик, специфических черт, а также причин для его проявления занимались Мережковский и Бердяев, так как через определение декаданса в области сознания выявлялись чувства, тревожащие человека в кризисную эпоху. Через эти экзистенциальные состояния происходил акт изучения художественной эстетики декаданса, которая часто имела провокационный характер, возводя в культ любой тип красоты как самодовлеющей ценности – с эстетизацией греха и порока в знак протеста против мещанства и обмирщения высокого нравственного чувства.

Как и в общественной жизни, так и в культурной возникала дилемма социального и сущностного, стремление к цельности и в то же время некая «разорванность» сознания. Всё это привело к **социокультурному плюрализму**, который ока-

зался разрушительным в своём остром противоречии. В дальнейшем все творцы, причислявшие себя к декадентам, «растворились» в других течениях, не оставаясь при этом приверженцами одного стиля. В своем новаторстве они не изменяли себе в угоду властям, но в соответствии с эпохой были людьми двойных мыслей и стандартов. То, что определяло весь Серебряный век и явилось началом его конца. Хотя декаданс наиболее выразительно проявился в литературе, поскольку в художественном аспекте он больше был явлением литературным, но его эстетическая концепция существенно отразилась и в других видах искусства. Фактически литература Серебряного века была социально-психологическим срезом общества, отображая все культурные явления изнутри.

В заключение правомерно резюмировать, что декаданс – явление историко-философское, психологическое и социокультурное: изначально появляясь в общественных умонастроениях, он находит художественное воплощение в наиболее актуальных видах литературы и искусства. Декаданс выступает как инструмент кризисной эпохи, чутко улавливающий настроения в обществе и его духовную жизнь. *Основными характеристиками творчества русской культуры кризисного периода являются иллюзорность, двойственность, условность, построение на контрасте, кото-*

рое наиболее соответствует условному изображению действительности. Идейно-эстетические образы декаданса отображали внутренний мир человека, не считая действительность предметом, достойным творческого, художественного изображения.

Тенденции культурно-исторического развития России зачастую опережали цивилизационные, вступая с ними в неразрешимые противоречия или труднообъяснимые альянсы, что особенно явным и злободневным становилось в переходные, кризисные эпохи. Когда будущее стремится к своему началу, но ещё не созданы соответствующие условия, а прошлое, закрепившись в традиционных нормах и ценностях, «не сдаёт своих позиций», наступает противоречивое время. Именно в такой – кризисный период – особенно остро проявляется состояние социокультурной неполноты, экзистенциальная драма: взаимное несоответствие социальных феноменов духовно-нравственным ценностям отечественной традиции и культурных значений.

Концепция декаданса полностью соответствовала своему начальному поводу для возникновения: *протест против утилитарности во всех сферах жизни человека.* Упомянутые тенденции и характеристики рубежного периода XIX–XX столетий весьма существенны и для понимания кризисной эпохи новейшего периода в истории и культуре современной России.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Великий инквизитор // О русских классиках / [авт. вступ. ст. К. Г. Исупов ; сост. и авт. коммент. А. С. Гришин]. Москва : Высшая школа, 1993.
2. Березовая Л. Г., Берлякова Н. П. История русской культуры : учебник для студентов вузов : в 2 частях. Москва : ВЛАДОС, 2002.
3. История слов : Около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов. Российская академия наук. Отделение литературы и языка. Научный совет «Русский язык». Институт русского языка имени В. В. Виноградова. Москва, 1999. 1138 с.
4. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. Москва : Аспект-пресс, 1997. 686, [1] с.
5. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / [авт. вступ. ст. А. А. Тахо-Годи]. Москва : Политиздат, 1991. 524, [1] с.

6. Мережковский Д. С. Акрополь : Избранные литературно-критические статьи / [сост., авт. послесл. и коммент. С. Н. Поварцов]. Москва : Книжная палата, 1991. 351 с.
7. Никитин М. П. Чехов, как изобразитель больной души // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1905. № 1.
8. Поэзия Серебряного века. Антология. Москва, 2007.
9. Розанов В. В. Уединённое. Санкт-Петербург, 1912.
10. Россолимо Г. И. Искусство, больные нервы и воспитание : (По поводу «декадентства»). Москва : типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1901. 50 с.
11. Рыбаков Ф. Е. ... Современные писатели и больные нервы : Психиатрический этюд. Москва : типо-лит. В. Рихтер, 1908. 49 с.
12. Сарабьянов Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. Москва, 1993. 320 с.
13. Сикорский И. А. Психологические основы воспитания и обучения : Изд. дополнено разделами: «Психологические основы обучения» и «Идеи и орудия дошкольного воспитания». 3-е издание, доп. Киев : лито-тип. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, Киевск. отд-ние, 1909. 112 с.
14. Суворова Е. И. В. В. Стасов и русская передовая общественная мысль. Ленинград : Лениздат, 1956. 152 с.
15. Шайкевич М. О. Психопатология и литература. Санкт-Петербург : тип. Ц. Крайз, 1910. 136 с.
16. Шафажинская Н. Е. Тема духовного поиска в русской литературе и философской мысли // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (51). С. 41–46.
17. Эстетика : словарь / [Абрамов А. И. и др.; под общ. ред. А. А. Беляева]. Москва : Политиздат, 1989. 445 с.

References

1. Berdyaev N. A. Grand Inquisitor. In: Berdyaev N. A. *About Russian classics*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1993. (In Russ.).
2. Berezovaya L. G., Berlyakova N. P. *History of Russian culture*. Moscow, Humanities Publishing Center "VLADOS", 2002. (In Russ.).
3. Vinogradov V. V. *History of words: About 1,500 words and phrases and more than 5,000 words associated with them*. Moscow, 1999. 1138 p. (In Russ.).
4. Kondakov I. V. *Introduction to the history of Russian culture*. Moscow, Publishing House "Aspect Press", 1997. 686 p. (In Russ.).
5. Losev A. F. *Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1991. 524 p. (In Russ.).
6. Merezhkovsky D. S. *Acropolis: Selected literary critical articles*. Moscow, 1991. 351 p. (In Russ.).
7. Nikitin M. P. Chekhov as a depiction of a sick soul. *Bulletin of psychology, criminal anthropology and hypnotism*. 1905, no. 1. (In Russ.).
8. *Poetry of the Silver Age. Anthology*. Moscow, 2007. (In Russ.).
9. Rozanov V. V. *Solitary*. St. Petersburg, 1912. (In Russ.).
10. Rossolimo G. I. *Art, Sore Nerves and Education: (Concerning "decadence")*. Moscow, 1901. 50 p. (In Russ.).
11. Rybakov F. E. ... Modern writers and sick nerves: Psychiatric study. Moscow, 1908. 49 p. (In Russ.).
12. Sarabyanov D. V. *The history of Russian art of the late XIX – early XX century*. Moscow, 1993. 320 p. (In Russ.).
13. Sikorsky I. A. *Psychological foundations of education and training: Book supplemented by the sections: "Psychological foundations of education" and "Ideas and tools of preschool education"*. 3rd edition. Kiev, 1909. 112 p. (In Russ.).
14. Suvorova E. I. V. V. Stasov and Russian progressive social thought. Leningrad, Publishing House "Lenizdat", 1956. 152 p. (In Russ.).
15. Shaikevich M. O. *Psychopathology and Literature*. St. Petersburg, 1910. 136 p. (In Russ.).
16. Shafazhinskaya N. E. The topic of spiritual search in Russian literature and philosophical thought. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2013, no. 1 (51), pp. 41–46. (In Russ.).
17. Belyaeva A. A., ed. *Aesthetics: vocabulary*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1989. 445 p. (In Russ.).